

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

Мелочи для характеристики И. Н. Березина¹.

(I. Юношеские стихотворения. II. Встреча с Г. Валлином в Каире. III. Работы по арабской диалектологии).

Арабистом Березин, конечно, не был, но о занятиях его арабистикой, особенно в первом периоде жизни, можно говорить с не меньшим правом, чем о занятиях монголоведением. Однако, не это обстоятельство вызывает мое сообщение сегодня. Разносторонняя личность Березина оставила свое отражение в столь же разностороннем материале, не всегда даже русского происхождения. Часть этот материал не был известен, частью оставался недоступным; некоторые мелочи, которые случайно попались мне в руки, могут внести новые черточки на фоне широкой характеристики, обрисованной А. Н. Самойловичем. На них я и предполагаю остановиться.

I.

О литературных произведениях Березина как в прозе, так и в стихах, достаточно хорошо известно всем знакомым с его биографией. Начало его поэтической деятельности отражают рукописи, которые мне удалось снасти, вероятно только частично, в 1915 году. Приобретая по поручению бывш. Факультета Восточных Языков в марте месяце для Семинария Восточных Языков жалкие остатки печатных произведений Березина², я обратил внимание на то, что дно корзины, где они были свалены родственницей его жены, устлано какими то рукописными листками. На мой вопрос дама презрительно ответила, что это еще ученические тетрадки Березина и, если они меня интересуют, их можно взять. Я, конечно, воспользовался этим разрешением, и не раскаялся.

¹ Сообщение, прочитанное в заседании Восточного Отделения 7 мая 1919 г., посвященном памяти И. Н. Березина по случаю столетия со дня его рождения.

² Теперь по инвентарю Семинария Восточных Языков № 4257—4275.

При разборе листков выяснилось, что ничего общего с ученическими упражнениями они не имеют: здесь оказались ранние литературные опыты Березина, преимущественно в стихах, реже в прозе, частью очень аккуратно переписанные. Три тетрадки стихов, озаглавленные «Альбом», были отмечены датой «Казань 1840 и 1841» и обозначены «Livraison I, II, IV» (III уже не оказалось). Одна тетрадка такого же формата под заглавием «Книга драгоценных удовольствий души. Волюм I. 1840. В Казани» заключает, главным образом, прозаические письма-пародии. Среди отдельных листков, числом около 40, удалось подобрать 10 стихотворений, приготовленных к печати уже повидимому около 1853 года под псевдонимом «Н. Воронов», много набросков (между прочим начало большой поэмы без заглавия с героем по фамилии Полянов), дававшихся кому то на просмотр с ядовитыми замечаниями критика, беглый карандашный план какого то исторического романа XIII—XIV века, где действует Александр, Григорий, Ксения, монгол Асан и турок Темрюк — действие происходит частью в Новгородской земле, частью в ханской ставке, — и, наконец, целая серия карандашных черновиков отдельных стихотворений, обыкновенно не поддающихся разбору.

Наилучший материал для характеристики дают три упомянутых тетрадки Альбома. Они заключают 73 стихотворения за время с 1840 по 1843 год¹, обыкновенно с указанием даты и места написания. Чаще всего появляется Пермь (в 1840 г.) и Казань, в 1841 г. несколько раз фигурирует Симбирск (II, 81, 84, 88, 89), встречается Малмыж (I, 53), перед отъездом на Восток село Майна (IV, 54). Последние двенадцать стихотворений написаны уже во время путешествия за период с 10 ноября 1842 г. по 18 июня 1843 г. и помечены Тебриз², Тегеран³, Персидский Залив⁴, Евфрат⁵ и Басра⁶. О них будет сказано несколько слов отдельно.

Хронологический порядок стихотворений в значительной мере облегчает обзор их содержания и помогает уловить известную эволюцию творчества. На первых порах преобладает типичный романтизм, находивший в это время адептов и среди более талантливых, чем Березин, поэтов. Достаточно указать заглавие некоторых его пьес — баллады «Паж» (I, 3—18), «Минестрель» (II, 19—31), «Ночная битва» (I, 23—28), драматические сцены «Божий суд» (I, 87—92), «Хор разбойников из неоконченной оперы Ри-

¹ В первой тетрадке 19 стихотворений (1840 г.), во второй — 22 (1840—1841 г.) и в четвертой — 32 (1841—1843 г.).

² 10 и 12 ноября (IV, 58 и 60).

³ 6 и 7 февраля (IV, 62 и 65).

⁴ 1 июня (IV, 69).

⁵ 2, 3 и 4 июня (IV, 73, 75 и 77).

⁶ 16, 17 и 18 июня (IV, 80, 83, 87).

пальдо» (I, 42—45), — или имена действующих лиц — Чостер, Эммелшна, граф Гуго, Эльвпра, Исидора и т. д., — чтобы сразу представить себе их сюжет и характер. Все это — типично романтическое средневековье Запада; нередко делается попытка воспроизвести те же краски на фоне русской старины — в балладе «Ночная битва», где речь идет, повидимому, о Бородино не без влияния (на форму) «Воздушного корабля» Зейдлица-Лермонтова, или в сказании «Святой Стефан» (I, 61—70), навеянном пермяку Березину воспоминаниями детства. Чисто лирические произведения этого периода тоже не представляют особого интереса — воспевается любовь в обычных тонах, преимущественно несчастная; природа и теперь и позже почти не появляется в произведениях Березина. Некоторое исключение составляет море, но и в этом приходится видеть не столько личную симпатию, сколько литературную моду времени (I, 58,—60, II, 39—44). В отмеченном смысле немного колоритнее написал стихотворение «Уснувшая страсть» (IV, 46—48), где параллельно рисуются три картины — отдыхающего льва, потухшего вулкана и спокойного моря. Сам Березин, повидимому, ценит это стихотворение, если судить по тому, что он включил его в число десяти предназначавшихся к печати в 50-х годах.

Интереснее для нас за это время цикл стихотворных посланий — формы столь излюбленной поэтами первой четверти XIX в. В поэтическом отношении они иногда выше других произведений, а для нас особенно приятно бывает встретить знакомые имена. В письме, адресованном в Кяхту, под прозрачными согласными В-с-л-в, мы легко узнаем знаменитого синоведа В. П. Васильева и невольно ощущаем не только шаблонный литературный прием, но и внутреннее чувство (I, 71—74). Ироническим отношением почему то пропущены всегда пьесы, адресованные Навроцкому (I, 37—41), младшему современнику Березина, впоследствии первому адъюнкту по арабской словесности на вновь основанном Факультете Восточных Языков¹. Даже тетрадка с прозаическими пародиями начинается афишей от его имени, вся соль которой ускользает от нашего понимания за давностью. Есть в альбомах и несколько обычного стиля эпиграмм, вплоть до неизбежной на «Сына Отечества» (I, 53), служившего мишенью кажется для всех стихотворцев этого времени и столичных, и провинциальных.

Мало по малу состав альбома несколько меняется: вместо баллад появляются, так сказать, мировые сюжеты — «Жизнь» (IV, 5—12), «Сомне-

¹ М. Т. Навроцкий (род. в Казани в 1823 г., ум. в Петербурге в 1871 г.) был переведен вместе с Березиным и Васильевым в 1855 г. из Казани в Петербург. Профессором арабской словесности состоял тогда шейх Мухаммед Тантани, место которого после выхода его в отставку в 1861 г. и занял Навроцкий.

пия» (IV, 21—24), «Раздумье» (IV, 33—34), «Отчуждение» (IV, 37—42), «Расчет с жизнью» (IV, 67—69) и, нужно сказать, в этих сюжетах Березин оказывается сильнее. Быть может большая практика сказывалась, но, повидимому и вообще ему лучше удавались те пьесы, где играет роль не столько чувство, сколько мысль. В этом отношении несомненно колоритны два стихотворения «Матери» (IV, 18—20, 25—27), где сильно выражено противоположение между простодушным ребенком и разочарованным поэтом, который боится «заразить» его своими сомнениями. Яркость вылитых здесь образов настолько отчетлива, что в них соблазнительно видеть личное переживание. Вместе с мировыми сюжетами выступает выгодно в позднейшей части альбомов и второй элемент — именно переводный, однако не из той области, как мы ожидали бы от Березина-востоковеда. Есть, конечно, переводы с восточных языков — здесь мы встречаем ту турецкую поговорку (II, 11), которая много лет спустя была напечатана в статье «Народные поговорки турецкого племени» (в «Отечественных Записках»), встречаем два отрывка из «Пенд-наме» Аттара (II, 16—17) и «Шахнаме» Фирдоуси (II, 32—37), переведенные размером подлинника, но очень тяжелым слогом; гораздо характернее, что больше внимания Березин уделяет романским литературам. Им переведен сонет Петрарки (II, 45—46), два отрывка из *Orlando Furioso* (II, 37—38, 52—59) и переведены, судя по итальянским эпиграфам к другим стихам (II, 39), с подлинника. Быть может, толчком для возбуждения интереса к Ариосту послужил перевод Рачча, который появился именно в половине 30-х годов, тем более, что имя Рачча Березин упоминает в одном послании, прозрачно скрыв его под буквой Р. (I, 81). Интерес к этой области был, повидимому, довольно глубок — о нем ярко говорят переводы стихотворений двух трубадуров *Azemaig lo Negres* и *Gonselm Faidit* (II, 47—57, 60—66), сделанные непосредственно с провансальского, если верить приписке самого Березина.

Одно обстоятельство эту приписку подтверждает. Березин ссылается на книгу *Le Parnasse occitanien* (II, 45—60): произведение под таким названием действительно было издано в 1819 г. *Henry de Rochegude* и представляет одну из самых старых антологий провансальских текстов¹. Факт знакомства в Казани 30-х годов с провансальской литературой дает, конечно, интересную черту для характеристики не только Березина, но и истории романской филологии в России в первой половине XIX в. Имел ли Березин прямых учителей в этой области, сказать трудно. Первым профессором истории всеобщей литературы в Казани (1834—1852) был К. К.

¹ Этой справкой я обязан проф. Д. К. Петрову.

Фойгт¹, оставивший по себе благодарную память у сотоварищей Березина². Характерно, что Фойгт был долгое время (1826—1848) преподавателем персидского языка в первой казанской гимназии³. Возможно, однако, что на Березина оказал влияние Г. И. Солнцев, профессор, уволенный Магницким, но и после этого продолжавший играть видную роль в казанских литературных кружках; он был известен своим знанием не только трех главных западно-европейских языков, но кроме них владел еще итальянским, испанским и португальским⁴.

В переводных сюжетах Березина, таким образом, преобладает Запад, а не Восток, не столько может быть количественно, сколько качественно. Если перейти к рассмотрению тех 12 стихотворений, которые написаны уже на самом Востоке, то и здесь мы увидим, что путешествие не вызвало новых красок на его палитре. Природа и раньше не воодушевляла его; самый Восток, видимому, не вдохновил на новые мелодии. Березин изучал его, но в противоположность некоторым ученым едва ли способен был почувствовать живой Восток. Отсутствие местного колорита в произведениях даже несколько поражает. Стихотворения, написанные в Тегеране, Басре и на Евфрате, носят тот же характер, что казанские или пермские. Тот же самый романтизм, вылитый в фигурах разбойника или казака, те же мировые вопросы на фоне личных переживаний в форме письма или воспоминаний. Прибавляется естественно новый мотив—тоска по родине, но и он находит себе выражение в неимеющих непосредственной связи с Востоком образе цветка, пересаженного на чужбину (IV, 61—62), или пленника, заключенного в темницу (IV, 63—65). Только в одном произведении «Грусть Эвфрата» (IV, 81—83) Березин в поэтической оболочке передает известное сказание о том, почему воды Евфрата не сливаются с морем. В набросках позднейшего времени, сохранившихся на отдельных листках, есть начало стихотворения—«Очаровательный Каир, кто красоту твою опишет», есть заголовок «Ливанские горы» с несколькими стихами, но ничего законченного из этой области не нашлось. Органического родства с Востоком дух Березина здесь не обнаружил.

О форме произведений распространяться нет оснований. В более ранних стих дается Березину не без труда, размерами он всегда пользуется

¹ Н. П. Загоскинъ, За сто лет. Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского Университета, I, Казань 1904, 186.

² Ср. воспоминания Александрова-Дольника в Русском Архиве за 1877 г., т. II, стр. 153.

³ Н. И. Веселовский, Сведения об официальном преподавании восточных языков в России, СПб. 1879, стр. 154—155.

⁴ Русский Архив, 1877, II, 150.

обычными, рифмами часто шаблонными; в этом отношении к концу тетрадок прогресс несомненен, чувствуется, что техникой он уже овладел и выливает свои мысли в форму без особых затруднений. Манера у Березина, вообще, книжная и только раза три он делает попытку применить народное стихосложение (I, 50—52, II, 82, IV, 28—31), но без особого успеха. Это и понятно—ведь стихотворения Кольцова, влившие новую струю в эту область, вышли только в 1835 г., а Никитина—через 15 лет после альбомов Березина.

Если теперь поставить вопрос, можно ли нашего турколога признать поэтом, поскольку это основано на его юношеских произведениях, или приходится видеть в них только грехи молодости, в которых мало кто из русских интеллигентов не повинен в таком возрасте, то лучший ответ на это дает сам Березин в одном из его стихотворений. Кто то из его друзей, как видно, жестоко раскритиковал опыты молодого ориенталиста¹, и он пишет в оправдание стихотворный ответ, адресуя его «В-т-р-в-у Аристарху» (I, 79—82). Это произведение дает много интересных намеков. Упоминание «кайсаровского станка»—вероятно одной из типографий—позволяет предполагать, что уже в эту пору Березин печатался, но еще интереснее самый адресат, скрытый под прозрачными буквами. В нем с уверенностью можно видеть Н. И. Второва, известного впоследствии воронежского деятеля, душу знаменитого второвского кружка, без поддержки которого едва ли бы Россия узнала Никитина². Второв был ровесником Березина и с 1837 г. состоял помощником библиотекаря в Казанском Университете. Человек с хорошим литературным образованием, широкими философскими и историческими интересами, он и в этот период стоял близко к литературному движению, как говорят воспоминания его долголетнего друга Александрова-Дольник. Большая собственная библиотека, перешедшая по наследству от отца, тоже известна в истории казанского общества, и наше сопоставление подтверждается другим посланием Березина, в котором он просит того же В-т-р-в-а прислать книжек на время его болезни (II, 12—14). Каков был отзыв Второва, мы, конечно, не знаем, но он был прав. Будущее показало, что Второв обладал поэтическим чутьем, угадав талант в воронежском семинаристе; то же поэтическое чутье не обмануло его, заставив произнести отрицательный отзыв об опытах своего товарища казанского магистра. Прав был и сам Березин.

¹ Быть может, этому критику и принадлежат те лживые пометки, которые встречаются на некоторых листках.

² Литература о нем указана в статье А. Г. Фомина при полном собрании сочинений Никитина, т. I, II. 1918, стр. 63, пр. 1 и др.

когда эпиграфом к своему альбому скромно ставил свой стих: «И не поэт я. сознаюсь, но я могу стихи писать».

II.

Стихи Березина перенесли нас из Казани и Перми на Евфрат и в Каир. Дальше этот источник исчезает, но появляется другой, исходящий уже извне. В Бейруте Березин встречается с ехавшим еще впервые в Палестину знаменитым впоследствии «соглядатаем Востока» архим. Порфирием Успенским. В «Книге бытия моего» у последнего под 6 декабря 1843 г. занесено¹: «Встреча с русским путешественником Березиным, который был в Персии и через Алеппо пробрался в Бейрут. Он дал слово ехать со мной в Иерусалим». Это путешествие действительно было совершено совместно, так как под 12 декабря упоминается² около Сидона обломок колошны с латинской надписью, которую архим. Порфирий разбирал вместе с «г. Б.». Маршрут, приводимый Березиным в его «Обзоре трехлетнего путешествия по Востоку»³, совпадает с данными «Книги бытия моего» и следовательно Березин был в Иерусалиме 20 декабря. К сожалению на этот раз Порфирий оказался так же лаконичен, как и впоследствии при упоминании ездившего вместе с ним по Палестине другого знаменитого турколога из Казани Н. И. Ильминского⁴.

В Каире Березин встречается с доцентом Гельсингфорского Университета Г. Валлином, тогда еще только начинавшим свои 7-летние скитания по северной и центральной Аравии, которые составили эпоху в исследовании этой части полуострова. Г. Авг. Валлип (1811—1852), университетский товарищ знаменитого Кастрена, умерший в один год с ним, до ныне служит предметом справедливой гордости финляндского востоковедения, хотя и прославил его в далекой от Финляндии области⁵. Его личность представляет между прочим интерес для нас, русских востоковедов, так как он олицетворяет еще то направление гельсингфорских ориентальных студий, которые в смысле научной школы не порывали связи с Россией не только в угро-финской области. Оно окончательно пресеклось в 70-х годах с В. Лагусом и товарищем бар. В. Розена по занятиям у Флейшера К. Энебергом, учеником Лагуса. С этих пор наше востоковедение для финнов почти не существует и

¹ Том I, СПб. 1894, стр. 328.

² Ibid. 334.

³ Отгиск из Журн. Мин. Нар. Просв. за 1847 г., стр. 7

⁴ Книга бытия моего—V, СПб. 1899, 44, 113, 119 (эта встреча относится уже к 1853 г.).

⁵ Последней капитальной работой о нем является «Bref och Dagboks anteckningar af Georg August Wallin utgifna jämte en Lefnadssteckning af Knut Tallqvist. Helsingfors 1905».

Петербург оказывается для Гельсингфорса дальше, чем Лейпциг и Берлин. О Валлине же достаточно напомнить, что он в 1841—1842 г. усердно занимался в Институте Мин. Иностр. Дел и на восточном отделении Университета, что он был любимым учеником профессора араба-шейха М. Тантави, мало известная преподавательская деятельность которого благодаря этому получает некоторое освещение. До сих пор в Гельсингфорском Университете хранится обширная арабская переписка Валлина и Тантави, хранится его тетрадь с записями лекций арабской литературы, яко бы Дорна, по сомнительному указанию последнего биографа Валлина, нынешнего профессора Тальквиста¹ и мн. др. Историчку русской арабистики когда-нибудь придется заняться этими материалами.

В Египте Валлин был с конца января 1844 г., Березин приехал в Каир в марте и под 19-м числом в шведском дневнике Валлина упоминается² «недавно приехавший казанский кандидат (или нечто подобное), который сказал, что собирается пробыть в Египте 4 месяца для исследования диалектов, хотя он еще абсолютно ничего не понимает в языке, на котором здесь говорят». В письме к своему гельсингфорскому другу-профессору ориенталисту Г. Гейтлину от 13 апреля Валлин повторяет приблизительно то же самое³: «На этих днях приехал сюда молодой русский из Казанского Университета, который долго путешествовал по Персии и теперь прибыл сюда, чтобы исследовать местный диалект, хотя он еще мало знает по арабски и почти не в состоянии выразиться понятно или самому понимать язык Каира. Он снял свободное помещение в том же доме, где я живу». Первое впечатление было, повидимому, неблагоприятно и таким оно осталось до конца, хотя познакомиться близко с Березиным Валлин имел полную возможность. Уже 20 марта Березин переехал в тот же дом, где жил Валлин⁴; под 22-м находим следующую запись⁵: «Казанец зашел ко мне вечером после этого и до бесконечности надоедал своими пустыми рассуждениями об арабах и их языке, о чем он не имеет абсолютно никакого понятия. Он мне кажется в высшей степени надоедливым, хотя и обладает большой страстью спорить и хвастаться; по его словам в Персии он нашел 8 совершенно неизвестных и неисследованных диалектов персидского языка и т. д.». После этого упоминания о Березине делаются более лаконичны: 9 апреля говорится о его

¹ Op. cit. XXV, пр. 1. Указание сомнительно, так как Б. Дорн никогда не преподавал арабской словесности ни в Университете, ни в Институте М. И. Д.

² S. G. Elmgren, Georg August Wallins Resanteckningar från Orienten, åren 1843—1849. I, Helsingfors 1864, стр. 297.

³ Ibid. 329.

⁴ Ibid. I, 299.

⁵ Ibid. I, 300.

болезни¹, 29-го Валлин играет с ним в шахматы и опять называет его «скучной компаней»². Всего в Каире Березин пробыл около 2½ месяцев³ и последний раз о нем говорится 16 и 20 мая⁴. В письме Гейтлингу 3 сентября он еще раз упоминается, как уже «давно покинувший Каир»⁵.

Что впечатлительнее, произведенное Березиным на Валлина, было вызвано не случайным настроением, а основным различием характеров, об этом говорят его же отзывы о другом русском востоковеде из Казани, В. Диттеле, которые отличаются несколько большей подробностью, так как он с ним более сошелся. Диттель (1816—1848)—товарищ Березина по Казанскому университету, путешествовал по Востоку одновременно с ним и впоследствии был профессором в Петербургском Университете (1845—1848). В Каир он приехал позже Березина: 13 августа Валлин пишет в своем дневнике⁶: «Рано утром я пошел в Эзбекпе, чтобы навестить приехавшего сюда несколько тому назад казанца Диттеля, спутника Березина по путешествию. Он живет в том же доме, где и я в первое время своего пребывания. При входе он принял меня, как и другие европейцы здесь, за араба и наши взаимные приветствия были крайне натянуты, пока он не услышал, кто я. Тогда он стал очень предупредителен и любезен; мы сидели и болтали о разных вещах по немецки, который собственно его родной язык, хотя он (как и многие другие немцы в России), повидимому, забыл и забросил его ради русского или другого языка. В противоположность этому, от своего немецкого происхождения он сохранил широкую многословную хвастливость и болтал много с quasi учепостью. В нем, однако, еще уцелело немного юношеского пыла и во всяком случае он здесь один из тех, с кем можно сойтись». Эта характеристика с указанием и плюсов и минусов повторяется в ближайшие дни—25 августа он пишет⁷: «Общество в конце концов разошлось и я еще на некоторое время остался наедине с Диттелем, который лучше их всех. Он все-таки не совсем мог избавиться от своего германского происхождения, хотя для русского почти совсем забыл свой родной язык». 31-го повторяется⁸: «... я пошел к Диттелю. Он теперь совсем поправился после своей болезни и уже несколько раз выходил. Я долго просидел у него и чувствовал себя довольно приятно». Валлин даже мечтает предпринять

¹ Ibid. I, 315.

² Ibid. I, 353.

³ Обзор, стр. 7.

⁴ Elmgren, I, 373, 378.

⁵ Ibid. II, 148.

⁶ Ibid. II, 72.

⁷ Ibid. II, 91.

⁸ Ibid. II, 94.

с ним совместное путешествие в верхний Египет, о котором сообщает в своем письме Гейтлину от 3 сентября¹. Путешествие это, однако, не состоялось по причине ускоренного отъезда Диттеля из Египта². Те черты, которые антипатичны Валлину, отчетливо им формулируются 17 и 21 сентября³: «Диттель, хотя один из лучших людей, которых можно здесь указать, все-таки имеет в себе слишком много русского: обычное стремление разыгрывать *seigneur*'а и быть окруженным большими толпами слуг, обычное восхищение и униженность перед высокопоставленными людьми или богатством и т. д. От его общества с большой свитой слуг я не чувствую никакого удовольствия»⁴.

Эти черточки в связи с общей характеристикой Березина, которую только что дал А. Н. Самойлович, позволяют найти ключ к пониманию принципиальных различий в индивидуальности и научном складе Березина и Валлина. Мы видели, что Березин, а вероятно и Диттель, подходили к Востоку с привычками европейцев; Восток не нашел себе никакого почти отражения в стихах Березина, и органически едва ли он его чувствовал и, конечно, не мог и не хотел с ним считаться. Прямую противоположность в этом отношении представлял Валлин: только каким-нибудь метампсихозом можно объяснить, что уроженец Финляндии, род которого столетиями жил там, был способен до такой степени «обарабиться». Поэт пустыни в душе, он только среди бедуинов чувствовал себя человеком: попадал даже в арабскую городскую обстановку, не говоря уже про европейское общество, он опять признавал себя как бы чужим всей этой жизни. Его дневники с этой точки зрения служат замечательным человеческим документом, ярко рисуя все душевные переживания как в одной, так и в другой среде. Судя по всем данным, неудача, постигшая Валлина в лелеянном им плане нового путешествия на Восток и вызвала его преждевременную кончину. Березин и Валлин—почти диаметрально противоположные типы востоковедов и даже людей; понятно, что один должен был казаться чуждым для другого по всему складу.

III.

В противоположность к общей оценке, с некоторой долей критики можем мы отнестись к скептическому отзыву Валлина о познаниях Березина в арабском языке. Он исходил исключительно из своей точки зрения, не обладая, так сказать, исторической перспективой, которой располагаем теперь

¹ Ibid. II, 148.

² Ibid. II, 268.

³ Ibid. II, 175, 185.

⁴ Ср. еще отзыв о его египетском романе, *ibid.* II, 183—184.

мы благодаря матерпалам по арабской диалектологии, оставленным Березинным в двух его работах. Что он не владел свободно современным арабским языком, как подчеркивает Валлин, это вполне вероятно. Только в июне 1843 г. в Басре он впервые с ним встречается, как можно видеть по словам его «Обзора». Запятая по месяцу—здесь, в Багдаде и Мосуле являются наиболее длительными его остановками; Сирию он проехал довольно бегом и только 2½ месяца опять пробыл в Капре, посвящая время, конечно, не одному только арабскому диалекту. И в смысле подготовки, и поставленных задач, конечно, его нельзя сравнить с Валлином, у которого и первая печатная работа была посвящена арабской диалектологии и еще до поездки на Восток пройдена великолепная практическая школа у шейха Тантави; не удивительно, что и кратковременное пребывание в Египте сделало для него арабский язык почти родным. Наконец, в эту эпоху Березин был преимущественно туркологом или иранистом, Валлин же готовил себя почти исключительно к арабистической задаче и при том специального характера.

Несмотря на это, нужно сказать, что материалы по диалектологии, оставленные Березинным в печатном виде, представляют для истории арабистики известный интерес.

Мы имеем, с одной стороны, общие замечания об арабских диалектах в «Обзоре трехлетнего путешествия по Востоку», а с другой, арабские диалекты, собранные в отдельном издании¹. Происхождение диалектов он объясняет обычными до последнего времени представлениями о «первообразе» их в виде «книжного арабского языка», «переход» которого в «народный, уже измененный начался еще с первых пор Ислама». «Причиной явления» этих диалектов он считает «смешение аравитян с побежденными народами и трудность арабского языка». Нам теперь хорошо известно, как медленно в науке происходил отказ от этих теорий почти на наших глазах: известно, что и теперь еще не всеми признается существование в древней Аравии наряду с единым «книжным» языком народных диалектов, органическое развитие которых вызвало современное их разветвление. В этом смысле взгляды Березина не были устаревшими даже и в конце XIX в. То же надо сказать о его перечне современных диалектов, которых он насчитывает восемь—сирийский, месопотамский, египетский, мавританский (западно-африканский), нубийский, берберский, мадагаскарский и мальтийский. Если отбросить сбивчивые и неудачные названия нубийский и берберский, то окажется, что в грубых чертах эта классификация применяется и теперь. Интересно, что в этом перечне Березин пропустил аравийские наречия, быть может, считая

¹ Guide du voyageur en Orient. Dialogues arabes d'après trois principaux dialectes: de Mesopotamie, de Syrie et d'Égypte. Par E. Berésine. Moscou et St. Pétersbourg 1857.

их особо близкими к книжному языку — взгляд, который тоже оставлен лишь в последнее время. Мадагаскарский диалект современными лингвистами не выделяется в самостоятельную группу, а относится вместе с занзибарским к южно-арабской ветви. Остается Березин прав, если несколько иначе редактировать его фразу, когда он говорит, что собственно арабскому языку принадлежат три наречия: сирийское, месопотамское и египетское, так как другие сильнее уклонились от первообраза своего книжного арабского языка. Теория «первообраза» теперь, как известно, оставлена; однако, преимущественная близость литературного языка именно к этим трем группам — особенно сирийской и египетской — всеми признанный факт. Слабее у Березина фактическая часть «о разнообразии произношения букв», как он выражается, в каждом арабском диалекте. Его непосредственные наблюдения иногда очевидно были сбивчивы при поспешности путешествия, сведения о западно-африканском наречии шли из не всегда надежного источника.

Представление о том, на основании какого материала строил Березин свои общие суждения и как он ими пользовался, дает нам его вторая работа. Труд автора, по его словам, носит чисто практический характер. Публикуя записанные им в 1842—1845 г. образцы трех основных диалектов оседлых арабов, он объединил фразы, наиболее необходимые для путешествующего по Востоку с какой-нибудь целью. Применять к ним строго научное мерило было бы несправедливо, но как материал для знакомства с некоторыми наречиями, они сохраняют известное значение и теперь, а в эпоху появления были почти первой ласточкой в этой области. Нужно иметь в виду, какова была степень знакомства с восточно-арабскими наречиями в Европе в то время, когда путешествовал Березин. Если оставить в стороне одиночные попытки за XVIII в., то окажется, что к 40-м годам было сделано немного. Единственная основательная грамматика египетского диалекта, составленная Marcel'ем, директором наполеоновской типографии в Каире, осталась недопечатанной за эвакуацией французами Египта в 1800 г.; приобретшая громадную популярность уже с 20-х годов грамматика Caussin de Perceval была посвящена преимущественно западным африканским диалектам. Только в 42-м году появились интересные фонетические наблюдения над языком Сирии миссионера Eli Smith¹, а в 44-м замечательный французско-арабский словарь с грамматическим очерком J. Berggren'a², осно-

¹ Kurze Übersicht der Aussprache des arabischen, hauptsächlich wie es in Syrien gesprochen ist (Edw. Robinson, Palästina und die südlich angrenzenden Länder, III, Halle 1842, 832—858).

² Guide français-arabe vulgaire des voyageurs et des Français en Syrie et en Egypte, Paris 1844. (Близкое участие в этой работе принимал, как известно, О. П. Сениковский).

важный главным образом на алеппском диалекте. Таким образом, никаких записей текстов до Березина почти не существовало, да и с двумя последними работами он не был конечно знаком во время своего путешествия.

Работа его распадается на четыре, точнее пять частей: вслед за таблицей транскрипции идет французский текст диалогов в 11 отделах обычного для практических руководств содержания; в дальнейшем эти диалоги без всяких изменений переведены на три главнейших диалекта — месопотамский (в Багдаде), сирийский (в Алеппо) и египетский (в Каире). Первый предшествующий им отдел посвящен арабскому диалекту Басры; единственно он снабжен кратким грамматическим очерком, вернее перечнем форм, списком нескольких местных слов и выражений и еще самостоятельными диалогами, не принаровленными как в других отделах к сочиненному французскому тексту. Вся арабская часть работы приводится параллельно во французской и арабской транскрипции.

Основным недостатком работы Березина с современной точки зрения является искусственный подбор материала: диалоги записывались не непосредственно, как они слышатся в обыденной речи, а подчинялись заранее составленному шаблонному тексту. Этот недостаток, может быть, важнее отсутствия критического этюда в начале, который, по словам одного из немногих критиков этой работы, Reinaud¹, «единственно мог сделать работу полезной в той мере, как она была способна». Ее основным достоинством служит строгое различение диалектов по местностям и определенным пунктам, которое и до сих пор далеко не всегда проводится не только в практических руководствах, но даже и в специальных трудах. Интересно и то, что Березин вполне отчетливо сознает разницу между языком оседлого и кочевого населения.

Если посмотреть на отдельные части работы для оценки их значения уже в наши дни, то придется удивиться не столько тому, как устарела она, а тому, как мало сделано в некоторых областях за три четверти века. Она, конечно, утратила свое значение для каирского диалекта, одного из наиболее разработанных теперь. Здесь, помимо классической вообще для современных диалектов грамматики W. Spitta² и более новой J. S. Willmore³ мы имеем ряд записей самых разнообразных текстов — и поэтических, и повествовательных, и разговорных, исполненных согласно с современными научными требованиями. Понятно, что теперь едва ли можно посоветовать обращаться для изучения каирского диалекта к работе Березина. Однако, чем

¹ Journal Asiatique, V s., XIV, 1859, 261-262.

² Grammatik des arabischen Vulgärdialektes von Aegypten, Leipzig 1880.

³ The spoken arabic of Egypt, Grammar, exercises, vocabularies, 2^d ed. London 1919.

далее мы будем передвигаться на Восток, тем сильнее будет меняться картина. Когда в 1901 г. вышел небольшой этюд Rougrière'a о современном языке Алеппо¹, то оказалось, что со времен Berggren'a и Березина, если не считать еще одной совершенно неудовлетворительной грамматики², им никто не занимался, и автору пришлось считаться единственно с двумя работами. Общій характер труда Березина им подмечен верно³: «Berésine... n'a que de très loin saisi le vrai langage vulgaire d'Alep. Très rares sont chez lui les expressions alepines qui, quoique incorrectes en elles mêmes, sont néanmoins d'un fréquent usage dans notre conversation quotidienne et reflètent par leur bisarrerie l'accent propre du dialecte». Нужно только подчеркнуть, что если это и произошло, то помимо воли составителя: в своем предисловии он вполне определенно пишет: «...j'ai choisi pour les textes arabes le langage usité par le bas peuple en conservant même quelquefois les expressions incorrectes, mais qui sont admises dans la conversation quotidienne», предвосхищая, таким образом, почти буквально то, что требует Rougrière. Для багдадского диалекта работа Березина тоже сохраняет почти все значение, так как отдельные записи и мелкие заметки начали здесь появляться только в XX в.⁴ Этой частью приходится пользоваться исследователям месопотамского диалекта вообще почти до наших дней, что не мешает им не всегда справедливо относиться к своему предшественнику. Meissner в своей работе о месопотамских пословицах по поводу одной характерной формы замечает⁵, что «данными Березина нельзя пользоваться без контроля» и тут же указывает, что как раз приводимая им форма подтверждается слышанной и записанной им самим. Для диалекта Басры, наконец, заметка Березина является единственным известным мне европейским материалом до настоящего времени. Это тем более важно, что этот диалект был первым, с которым Березин столкнулся, и его данные в этом отделе, как отмечено, отличаются большой подробностью и меньшей искусственностью, а кроме того сопровождаются отсутствующим в других отделах грамматическим очерком.

Березин не был арабистом и тем более диалектологом; однако, разбор отмеченных работ показывает, что и в этой области его труды представляют положительный факт в науке. В русской арабистике он дает прочное

¹ Étude sur le langage vulgaire d'Alep. (Mitt. d. Semin. f. Orient. Spr., т. IV, отд. 2, стр. 202—227).

² Hofstetter I. und G. Hudaj aus Aleppo. Handbuch der arabischen Volkssprache. Wien 1846. (Ср. отзыв Fleischer'a в ZDMG т. I, 1847, стр. 214).

³ Op. cit., 219.

⁴ Общий обзор их дан в статье L. Massignon, Notes sur le dialecte arabe de Bagdad. Le Caire 1912 (Оттиск из Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale, t. XI), стр. 7—8.

⁵ Mitt. d. Sem. für Orient. Spr., IV, отд. 2, стр. 144.

звено в ряду мало известных работ русских ученых по диалектологии, которые однако представляют непрерывную цепь от записей и замечаний первого русского арабиста в Петербургском Университете Сенковского до грамматического очерка и собрания пословиц, записанных в Сирии Гиргасом в 60-х годах¹.

Я начал свое сообщение со стихотворений Березина, достаточно далеких от востоковедения, хотя, быть может, интересных для литературной истории 40-х годов; кончаю работами по арабской диалектологии, далекими от позднейшей специальности Березина, но интересными для арабистов. Широко и богато одаренная натура Березина сказывалась во всех областях; настоящее собрание показало, что историческая перспектива помогает нам теперь яснее рассмотреть эту крупную талантливую фигуру, которая так характерна для героического периода русского востоковедения.

И. Крачковский.

Апрель 1919 г.

¹ Первый помещен на его «Отчете о путешествии по Востоку в 1861—1864 гг.» (рукопись в делах бывш. Фак. Восточн. Языков за 1864 г., вход. № 23); второе в собственноручной рукописи В. Ф. Гиргаса, подаренной мне бар. В. Р. Розеном.